УДК 811.161.1:32

КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА *ШУТ* В КУЛЬТУРЕ И КОММУНИКАЦИИ¹

Бычина Ю. Н.

Институт филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия E-mail: yuliya.bychina@mail.ru

В предлагаемой статье выявляются особенности реализации ключевой единицы шут в современных медиатекстах с учетом ее семантического, прагматического и ассоциативного потенциала. В исследовании отмечается культурная составляющая лексемы, историческая, а также проводится лексикографический анализ ключевой единицы. В исследовании подчеркивается, что важную роль при метафоризации политических событий играют языковые единицы из неполитических сфер. Данные слова и конструкции транслируются на определенные сюжеты и ситуации и особенно характерны для социально-политических реалии последних лет. Обзор современных медиатекстов, приведенный в данной статье, позволяет говорить о том, что в последнее десятилетие наблюдается расширение арсенала образных средств, несущих ироничную коннотацию, что отражает реалии современной социально-политической системы. Лексема шут является одной из ярких языковых единиц, глубоко и полно характеризующих субъектов политики в ироничном ключе. Отмечаются и приводятся коннотативные характеристики ключевой лексемы, закрепленные лексикографически и в сознании носителей языка. В статье рассматриваются современные политические реалии и их отражение в массмедийном дискурсе, которые определяют значимость ключевой единицы шут как источника для ассоциирования.

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, *шут*, политическая коммуникация, медиакоммуникация, метафора, коннотация.

ВВЕЛЕНИЕ

Современный медиадискурс апеллирует к историческим и культурным фактам, реалиям, отражение которых приобретает в тексте определенную коннотацию. В частности, ценной представляется метафоризация языковых единиц, которые транслируются на тех или иных политических субъектов, эксплицируя и интерпретируя особенности их характера, поведения, действий. **Цель статьи.** Установление лексикографического потенциала и особенностей текстовой реализации ключевой единицы *шут* на материале медиатекстов 2010–2020 гг. Специфика метафоризации ключевой единицы *шут* в современном массмедийном дискурсе определяется исторически сложившимися и культурно обусловленными характеристиками.

 $^{^1}$ Исследование выполнено в рамках поддержанного ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» гранта № ВГ20/2018

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Происхождение данной лексемы имеет интересную и сложную историю, как и появление самих шутов. Первые упоминания о шутах появились в XIII-XIV веках, а их активное распространение пришлось на XV-XVI столетия. Шумовство зародилось в европейских дворах, при которых были люди, умевшие не только веселить господ, но и музицировать, жонглировать, проявлять актерские способности. В Россию шутовство пришло позже и в качестве прототипов имело таких персонажей, как Иван-дурак и юродивые, которые зачастую были противопоставлены Царю как обладатели некого тайного знания. Первое официальное упоминание о шутах в России мы находим во времена правления Ивана Грозного. Несмотря на стереотипные представления об Иване Грозном как о царе с жестоким правлением, он не отказывался от веселья, лержал скоморохов и шутов. И хотя во многих исторических памятниках отмечается, что Иван Грозный любил тешиться вместе со своими шутами, мы находим множество заметок и о его жестоком отношении к ним. Шутовство было распространено также при Петре Первом, отличавшемся от предыдущего правителя отсутствием жестокости по отношению к шутам.

Культурная составляющая образа *шута* неразрывно связана с лингвистической составляющей слова-репрезентанта. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера отмечается лексемы *шут* родство с лит. siausti, siauciu, siauciu, что значит «бушевать, бешенство, ярость», siusti — беситься, аналогично в латышском «злиться», siaustis — «веселиться», лтш. šaulis — «дурак» [8, с. 491]. Интересным представляется первоначальное значение — обозначение пустого, полого. Таким образом, мы можем говорить о том, что изначально ядерным значением лексемы *шут* было не веселье, а антонимичные дефиниции — ярость и злость, не типичные при формировании образа *шута* в современной русской лингвокультуре. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отсутствует словарная статья *шут*, но в определении лексемы дурак мы находим следующее: «*шут*, промышляющий дурью, *шутовством*» [2, с. 516]. Ядерной семой, таким образом, становится компонент 'глупость', который в этимологическом словаре был на периферии.

В следующих словарях отметим одну из позиций с пометой «разговорное»: шут – то же, что черт. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова приводится следующая интерпретация: 1. В старину лицо при барском доме или при дворце, в обязанности которого входило развлекать забавными выходками господ и госте; 2. Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях, паяц; 3. перен. человек, паясничающий и балагурящий на потеху другим, являющийся общим посмешищем (пренебр.); 4. употр. как эвфемизм вместо чорт, дьявол в некоторых выражениях (разг. фам.) [7, с. 541]. Схожее определение дефиниции шут дается в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова: «1. Острослов и ~ник, специально содержащийся при дворце или при богатом барском доме для развлечения господ, гостей забавными выходками; 2. Комический персонаж в балаганных представлениях, паяц; 3. перен. Тот, кто балагурит, кривляется на потеху другим (разг. неодобр.); 4. В некоторых устойчивых сочетаниях: то же, что черт [6, с. 85]. Для полного понимания рассматриваемой нами

лексемы обратимся к словарной статье для слова черт в современном толковом русского языка Т. Ф. Ефремовой: «сверхъестественное существо, олицетворяющее собою злой дух, злое начало мира; Дьявол, Сатана (обычно в образе человека, но с рогами, хвостом и копытами)» [4, с. 715]. Таким образом, ядерной становится сема 'злость'. Отметив, что во всех лексикографических источниках зафиксировано определение «черт», можем предположить, что сама ключевая единица шут пришла к нам из язычества, сохранив родство между понятиями шут и черт. Данный тезис подтверждается языковыми фактами из паремиологии: например, вместо фразы «черт с ним» часто употребляют «шут с ним», зафиксированы такие параллели, как «черт его знает»/ «шут его знает», «на кой черт/на кой шут» и т.д.. В Словаре русского языка шут – это в первую очередь «лицо при дворце или барском доме, в обязанности которого входило развлекать своих господ и их гостей забавными выходками, остротами, шутками. Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях; паяц» [3, с. 652]. В словарной статье зафиксированы пометы переносное, разговорное и пренебрежительное - «тот, кто паясничает и балагурит на потеху другим, является общим посмешищем; употребляется в составе некоторых бранных выражений (например: шут его знает, *шут* с ним, на кой *шут* и т. п.) в значении черт» [3, 652].

Таким образом, при анализе лексикографических источников, мы отмечаем превалирование отрицательной коннотации и сем 'злость' и 'глупость'. Сема 'комичность' акутализируется в только прямом значении лексемы. Именно данная сема, как покажет анализ медиатекстов, становится ядерной при реализации слова *шут* в СМИ.

Для более детального и глубокого понимания особенностей функционирования данной единицы проанализируем контексты с ключевой единицей шут. Основным отличием от других лексем, имеющих преимущественно нейтральную коннотацию и относящихся к сфере «субъекты театра / цирка», лексема шут во всех контекстах указывает на определенного человека. Так, например, если лексема режиссер могла обозначать некую совокупность лиц и использовалась чаще во множественном числе [1], то лексема шут преимущественно употребляется в единственном числе. Данная особенность говорит о том, что лексема шут используется не для скрытого указания на политического деятеля, а для усиления отрицательной коннотации с прямым указанием на личность. Анализ русскоязычных политических СМИ показал, что данная лексема весьма активно номинирует такого политического деятеля, как Владимир Жириновский: Эпатажный шут российской политики Владимир Жириновский изначально являлся проектом КГБ, а затем стал марионеточной оппозицией. Сначала Ельцина, потом Путина. Сейчас он предлагает упразднить выборы, вернуть Российскую империю и пойти войной на соседние страны. Эксперты уверены: это было бы смешно, если бы не было вполне реальными планами Кремля, вложенными в уста скомороха. (Факты, 2018. 17 марта). Данный контекст усиливается альективом *эпатажный*. Эпатаж – это поведение, которое противоречит общепринятым нормам; особенностью которого является скандальность [4]. Кроме этого, в контексте говорится о принадлежности шута определенным лицам, что мы можем соотнести с лингвокультурологической справкой, в которой говорится о том,

что *шуты* — это люди, находящиеся при высокопоставленных личностях, при этом в обязанности *шутов* входило развлекать и угождать. Данный тезис подтверждается и следующим контекстом: *Может быть, в глубине души Джонсон не думает о более высоком посте.* **Он может быть шутом**, и это гораздо интереснее, поскольку популярность его личности может стать самой непредсказуемой сюжетной линией в истории правительства Терезы Мэй (Газета.RU, 2017. 12 апреля). В приведенном контексте делается акцент на том, что *шутом* нельзя назвать высокопоставленное лицо; *шут* — это персонаж, который находится на ступень ниже правящей верхушки.

В отдельных контекстах ключевая единица шут используется для представления определенной личности в невыгодном свете, где соответствующий субъект становится объектом порицания и иронии: Неутомимый игрок, который едва ли хочет стать президентом: Владимир Жириновский — шут российской политики (Россия сегодня, 2018. 17 марта). Шут Порошенко вновь порадовал публику (Правда, 2018. 29 июля). «Это шоу за наши деньги, и мы это все оплачиваем, И этим украинским экспертам мы платим, они, думаете, так просто себя шутами выставляют», — сообщил Максим Шушков. (Газета.RU, 2018. 12 сент.). В некоторых медиатекстах используются адъективы, помогающие отнести персонажа, названного шутом, к определенной социополитической сфере: Кремлевский шут требует посадить Собчак на пять лет за украинский Крым. Жириновский назвал слова Собчак «чушью» и «дикостью», а также пожаловался, что ей никто не может закрыть рот (Украина криминальная, 2018. 17 марта). Отметим, что во многих медиатекстах реализуются адъективы, усиливающие отрицательную коннотацию: «Жириновского называют политическим шутом. Но, на наш взгляд, слово «шут» не в полной мере отражает его характер», — считает 3. Аскеров (1news.az. 2015. 13 дек.); Коррупционный шут Навальный на страже НАТО (Политэксперт, 2018.

Медиатексты с употреблением ключевой единицы шут во множественном числе были зафиксированы в меньшем количестве, однако даже в таких контекстах напрямую назывались конкретные персонажи: Доверенными лицами кандидата на выборах будут два телевизионных шута. Доверенными лицами кандидата на пост президента России Владимира Путина стали ведущий программы "Поле чудес" Леонид Якубович и основатель "КВН" Александр Масляков (Деловая столица, 2018. 17 марта). Ключевая единица шут раскрывается через сферу деятельности представленных личностей, являющихся ведущими развлекательных программ, что актуализирует семы 'веселье' и 'комичность', которые в лексикографических источниках уходят на периферию.

Особенность политического дискурса заключается в том, что его основной функцией является функция воздействия, которой подчиняются все остальные функции – информативная, когнитивная, оценочная. В политическом дискурсе автор стремится оказать как можно более сильное влияние на аудиторию, поэтому чаще всего используется агрессивно заряженное слово, сопровождающие ключевую лексему: *Шут и медийный преступник: кем на самом деле является Алексей Навальный* (Информ, 2018. 23 февр.). В контексте моделируется образ человека,

игнорирующего общепринятые правила морали и этические нормы в медийной сфере. В следующем медиатексте шут характеризуется как персонаж с «дурной славой»: К Петру Порошенко, в отличие от некоторых его приближенных, как-то не приклешлся ярлык политического шута. Однако произнесенное на днях обращение к Верховной раде может принести президенту дурную славу, подобно той, что заслужил киевский мэр Виталий Кличко. (Факты, 2015. 9 июня).

Для усиления ядерных сем во многих медиатекстах используется синонимический ряд слова *шут*: Когда голосом президента такой страны становится ругающийся шут и скоморох в колпаке с бубенчиками, становится даже немного страшновато (Data.ua. 2016. 23 авг.). Ключевая единица шут реализуется в первую очередь по отношению к политикам, чье поведение выходит за рамки общепринятых норм, является неприличным и вызывающим: «...Вы [Ю. Мосийчук — Ю. Б.] — клоун и шут, радующийся возможности напомнить о себе», — сказала Поклонская (Газета.RU, 2018. 13апр.).

Интересным представляется факт, что посредством образа шута и синонимичных языковых единиц описывается такое политическое событие, как выборы, которое, по мнению автора статьи, является фарсом и заранее продуманным действием: Дело в том, что выборы можно превращать в шоу, но их нельзя превращать в клоунаду. В российской политике уже есть один такой политический клоун, которому можно почти все. Но роль шута при царе довольно избитый сюжет, к тому же в свое время он сыграл достаточно важную роль раскола коммунистического электората. Но два шута на выборах – это уже перебор (Русская весна, 2018. 11 июня). Частотным в употреблении является словосочетание шут гороховый, которое лексикографически зафиксировано. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» *шут* гороховый (прост., пренебр.) – «1. Пустой, глуповатый, недалекий человек, служащий посмешищем для всех 2. Бранное выражение в адрес презираемого человека. 3. Старомодно, безвкусно, смешно одетый человек» [9, с. 703]. В большом толково-фразеологическом словаре М. И. Михельсона отмечаем помету иноск. бранно – шутник, забавный, весельчак по призванью или ремеслу [5, с. 1915]. Само происхождение фразеологизма имеет несколько версий. Одна из них сопоставляет образ шута с чучелом, устанавливаемым на гороховом поле для отпугивания птиц. Называли такое сооружение по-разному: чучелом, пугалом и, в том числе, «шутом» на гороховом поле, а значит «гороховым». По внешней сходству с пугалом «шутом гороховым» стали называть выступающих на площадях и ярмарках скоморохов с гороховой соломой на голове. Затем данное выражение стало употребляться по отношению к неопрятно и некрасиво одетому человеку. Однако большинство лингвистов склоняется к версии происхождения выражения от атрибутики образа шута. Неотъемлемыми атрибутами шутовского образа были костюм в полоску желтозеленого цвета, трехконцовый колпак с бубенчиками и погремушка. В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля шут полосатый отождествляется с шутом гороховым. Что касается погремушки, то некоторые языковеды полагают, что именно этот шутовской атрибут способствовал появлению фразеологизма «шут гороховый», поскольку она представляла собой палочку, на одном конце которой

крепился бычий пузырь, наполненный сухим горохом, а сам выход *шута* на сцену сопровождался шумом этого атрибута.

В медиатекстах отсутствует развернутое описание образа горохового шута, употребление данного фразеологизма только усиливает семы 'комичный', 'смешной', 'нелепый'. Родившийся шутом, королем не станет никогда, даже если годами будет протирать штаны на королевском троне, а его указы на серьезные темы будут только смешить народ, - написал Рамзан Кадыров в своем Instagram. -Американцы поймали Саакашвили и посадили в президентское кресло. И теперь этот шут гороховый дает советы Украине, как победить Россию. Каким же шутом должен быть Порошенко, слушающий этого скомороха? (Комсомольская правда, 2015. 07 февр.). Данный контекст ярко показывает усиление отрицательной коннотации при употреблении адъектива гороховый. Фразеологизм шут гороховый употребляется по отношению к одному из субъектов, а затем автор медиатекста задает риторический вопрос: «Каким же шутом должен быть...?», усиливая отрицательную коннотацию по отношению к первому субъекту. Ярко выраженная негативная коннотация конструкции прослеживается и в следующем примере: «Шут гороховый»: в соцсетях высмеяли «потерявшегося» Порошенко (Росси сегодня, 2018. 26 сент.).

выводы

Таким образом, современные политические реалии и их отражение в массмедийном дискурсе определяют значимость ключевой единицы *шут* как источника для ассоциирования. Исследуемый материал показал, что для создания образа *шута* характерно функционирование языковых единиц на уровне вторичной номинации. Лексема *шут* глубоко и полно отражает отдельные аспекты современных политических реалий и актуальных событий и служит основой для детальной интерпретации языковых единиц, вербализующих образ определенного типа политического деятеля. Трансформационный потенциал конструкции гороховый *шут* показывает степень изменений, происходящих в современном мире политики. Комплексное описание метафорического образа *шута* в русскоязычном медиадискурсе позволяет установить особенности его интерпретации в современной политической картине мира и выявить корпус языковых средств, участвующих в его моделировании.

Список литературы:

- 1. Бычина, Ю. Н. Метафорический образ режиссера в русскоязычном медиадискурсе [Текст] / Ю. Н. Бычина, Н. А. Сегал // Исследовательские парадигмы в современной филологии: Мат-лы V Всерос. науч. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 147.
- 2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание: в 4 т. [Текст] / Даль В. И. М. : Астрель, 2003. 573 с.
- 3. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / А. П. Евгеньева. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. Т. IV. С–Я. 797 с.

- 4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3-х томах [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М.: АСТ, 2006. – 976 с.
- 5. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка в 3 томах [Текст] / М. И. Михельсон. М. : ЭТС, 2005. 2208 с.
- 6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 сл. и фразеолог. выражений [Текст] / С. И. Ожегов. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2001. 943 с.
- 7. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Д. Н. Ушакова. Т. 4. М. : Русские словари, 1995. 754 с.
- 8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch [Текст] / Перевод и дополнения О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель, 2004. Т. 4. 860 с.
- 9. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / А. И. Федоров. М.: АСТ, 2008. 880 с.
- 10. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Текст] / А. Н. Чудинов. Изд. 3-е. СПб.: Издание книгопродавца В. И. Губинского, 1894. 1004 с.

References

- 1. Bychina Yu. N. *Metaforicheskii Obraz Rezhissera v Russkoyazychnom Mediadiskurse* [Metaphorical Image of the Diretor in the Russian-Language Media Discourse]. Krasnodar, 2018. 147 p.
- 2. Dal' V. I. *Tolkovyi Slovar' Zhivogo Velikorusskogo Yazyka: Sovremennoe Napisanie: Tom 4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Modern Writing: Vol. 4]. Moscow: Astrel' Publ., 2003. 573 p.
- 3. Yevgen'eva A.P. *Slovar' Russkogo Yazyka: Tom 4* [Dictionary of Russian language. Vol. 4]. Moscow: Rus. Yaz.; Poligrafresursy, Publ. 1999. 797 p.
- 4. Yefremova T.F. *Sovremennyi Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AST, 2006. 976 p.
- 5. Mikhel'son M.I. *Bol'shoi Tolkovo-Frazeologicheskii Slovar' Russkogo Yazyka* [Big Explanatory-Phraseological Dictionary Of Russian Language]. Moscow: ETS Publ., 2005. 2208 p.
- 6. Ozhegov S.I. *Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka: 80000 Sl. i Frazeolog. Vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. 80,000 Words and Phraseology]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2001. 943 p.
- 7. Ushakov D. N. *Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkie Slovari Publ., 1995. 754 p.
- 8. Fasmer M. *Jetimologicheskii Slovar' Russkogo Yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel' Publ., 2004. Vol. 4. 860 p.
- 9. Fedorov A.I. *Frazeologicheskii Slovar' Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of Russian Literary Language]. Moscow: AST Publ., 2008. 880 p.
- 10. Chudinov A. N. *Slovar' Inostrannykh Slov, Voshedshikh v Sostav Russkogo Yazyka* [Dictionary of Foreign Words Included in th Russian Language]. SPb: Izdanie Knigoprodavtsa V. I. Gubinskogo, 1894. 1004 p.

KEY UNIT JESTER IN CULTURE AND COMMUNICATION

Yu. N. Bychina

The article identifies the features of the implementation of the key unit jester in modern media texts, taking into account its semantic, pragmatic and associative potential. The study notes the cultural component of the lexeme, the historical one, as well as the lexicographic analysis of the key unit. The research emphasizes that language units from non-political spheres play an important role in the metaphorization of political events. These words and constructions are translated into certain plots and situations and are especially characteristic of the socio-political realities of recent years. The review of modern media texts given in this article suggests that in the last decade there has been an expansion of the arsenal of figurative means that carry an ironic connotation, which reflects the realities of the modern socio-political system. The jester lexeme is one of the most striking linguistic units that profoundly and fully characterize the subjects of politics in an ironic way. The connotative characteristics of the key lexeme, fixed lexicographically and in the minds of native speakers are noted and given. The article examines modern political realities and their reflection in mass media discourse, which determine the significance of the key unit of the jester as a source for association.

Key words: political text, political discourse, jester, political communication, media communication, metaphor, connotation.